

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ЭМОТИВНОГО ТЕКСТА

Минибаева С.В.

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Стерлитамак, Россия (453103, Башкортостан, Стерлитамак, пр. Ленина, 49), e-mail:kafedra221@yandex.ru

---

Проведен анализ художественных текстов отдельно взятого автора, Антона Павловича Чехова, показавший возможность системного подхода к комплексному анализу текста. В качестве объекта исследования выбраны эмотивные тексты, сюжетная линия которых репрезентирует эмоциональное состояние субъекта (повествователя, рассказчика или персонажа). Моделирование эмоциональной ситуации, представленной в художественном тексте, позволило выявить специфику текстов малой прозы А.П. Чехова, которую можно трактовать как особенность психологизма русского писателя. В таком элементе модели эмоциональной ситуации, как снятие эмоциональной напряженности, проявилась забота Чехова-врача о психоэмоциональном состоянии адресата-читателя. Анализ отдельно взятого эмотивного текста говорит о глубоких познаниях автора в области эмоциональных переживаний человека и его индивидуальной картине мира. Текстовая репрезентация эмоционального состояния страха может быть отнесена к глубокому психологическому описанию, содержащему все необходимые элементы эмоциональной ситуации.

Ключевые слова: эмотивный текст, модель, текстовая репрезентация, эмоциональная ситуация.

MODELING AS A MEANS OF A COMPLEX ANALYSIS OF AN EMOTIVE TEXT

Minibaeva S.V.

Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia (Lenin Ave, 49, Sterlitamak, Russia, 453103, e-mail:kafedra221@yandex.ru

---

There was made an analysis of fiction texts of the writer – Anton Pavlovich Chekhov. This analysis shows an opportunity of a systemic approach to the complex text analysis. As an object of the investigation there were chosen emotive texts the plot of which represents an emotional state of the subject (narrator, speaker or a character). Modeling of an emotional situation presented in the text let us clear out a specificity of A.P. Chekhov's texts of a small prose. Such specificity can be treated as a peculiarity of a Russian writer's psychologisms. There appeared an emotional tension relaxation, care of doctor Chekhov about a psycho-emotional state of an addressee-reader in the element of an emotional situation model. The analysis of an emotive text demonstrates the author's deep knowledge in the sphere of human emotional states and his individual picture of the world. Textual representation of fear can be treated as a deep psychological description with all necessary elements of an emotional situation.

Keywords: emotive text, model, textual representation, emotional situation.

На современном этапе развития науки наблюдается активизация разработок по вербальному выражению в устной речи и отражению в письменной речи эмоций субъекта. Повышенный интерес к эмоциональной сфере человека со стороны лингвистов вполне оправдан: этой сферой во взаимодействии с когнитивной, перцептивной, моторной сферами определяется поведение индивида [3, с.107]. Несмотря на то, что предпринимаются попытки систематизированного описания единиц языка, выражающих или называющих эмоции, авторы вкладывают в содержание этого понятия весьма разнообразный смысл. Причина этого в «расплывчатости самого концепта, принадлежащего ряду смежных с лингвистикой наук» [9, с.29].

Сложность исследования и соответственно описания текстовой репрезентации эмоционального состояния обусловлена неоднозначностью трактовки самого феномена

эмоции. Многие ученые сходятся во мнении, что эмоциональное состояние – отклонение от нейтрального состояния, некоего нуля, хотя многими из них этот нуль не признается абсолютным, говорят об относительно нейтральном эмоциональном состоянии. Однако на современном этапе психология эмоций не располагает единой теорией эмоциональных явлений, и многие авторы сам термин «эмоция» трактуют по-разному. Например, в качестве основных понятий рассматриваются так называемые «аффективные состояния», или «глобальные настроения», имеющие качественные характеристики возбуждения или депрессии. В центре нашего внимания – эмоция «страх». Выбор данного эмоционального состояния обусловлен тем, что это одна из самых сильных (если не самая сильная) по интенсивности эмоция, поэтому ее текстовое выражение является ярким, реализующим все элементы модели эмоциональной ситуации. Обращение к эмоции «страх» объясняется и тем, что эта типичная эмоциональная ситуация частотна в текстах рассказов А.П. Чехова, чьи произведения послужили источниками языкового материала (в каждом из проанализированных нами текстов страх встречается от одного до четырех раз, причем репрезентирована вся гамма оттенков: от *робости, боязни, испуга* до *ужаса и паники*). Обоснованность нашего интереса к языковому отражению данной эмоции подтверждается результатами психолингвистических экспериментов, проведенных Н.В.Уфимцевой [6], на основе которых ею был сделан вывод о том, что в течение десяти лет [1988–1997] образ страха стал одной из основных реалий русского языкового сознания; за первое десятилетие XXI века положение только усугубилось. Согласно результатам ассоциативного эксперимента Е.Ю. Мягковой, ранг *страха* в языковом сознании русских возрос: от нулевого ранга в 1988–1991 гг. до 51,5 – в 1995–1997 гг. (количество вызвавших его стимулов – 287) [4]. В связи со сказанным изучение лингвистической репрезентации одной из основных реалий русского сознания представляется нам актуальным и определяет цель нашего исследования.

Изучение эмотивного текста позволило ввести понятие «текстовая модель эмоциональной ситуации» (термин «модель» используется в узком, собственно грамматическом смысле). Основой для представления текстовой модели стала модель предложения, предложенная и описанная Е.М. Вольф [2]. Иными словами, в качестве единицы анализа (операциональной и статической) предложена типичная модель эмоциональной ситуации.

Целью предпринятого нами исследования является следующее: посредством комплексного анализа письменного художественного текста, содержащего описание эмоционального состояния субъекта, показать фрагмент языковой картины мира, воплощенный в художественном тексте; в рамках лингвистического исследования выявить

также особенности психологизма автора – Антона Павловича Чехова. Проанализированы тексты малой прозы, содержащие описание эмоционального состояния страха или, как мы будем именовать их далее, эмотивные тексты. Для выявления специфики текстовой репрезентации эмоционального состояния субъекта в произведениях А.П. Чехова проведен их сравнительный анализ с отдельными фрагментами из произведений И.С. Тургенева и И.А. Бунина. Нами использован ряд методов и приемов анализа: методы лингвистического описания и комплексного анализа текста, сравнительный метод, метод моделирования, анализ и систематизация фактического материала.

Проведенный анализ эмотивных текстов малой прозы А.П.Чехова позволяет говорить об их особой структуре: все они построены по определенной модели, состоящей из следующих элементов (они выделены Е.М. Вольф в рамках исследования предложений, выражающих эмоциональные состояния): *каузатор эмоционального состояния, субъект эмоционального состояния, само чувство, интенсивность эмоционального состояния, внешнее выражение эмоции*. Указанные элементы характерны для эмоциональной ситуации вообще. Кроме того, в текстах А.П. Чехова реализуется такой компонент эмоциональной модели, как *снятие эмоциональной напряженности*. Сравнительный анализ с текстами И.С.Тургенева, И.А.Бунина показал, что лингвистическая репрезентация данного элемента есть специфическая особенность текстов А.П. Чехова. В текстах И.С.Тургенева и И.А.Бунина представлен элемент, который можно было бы обозначить, как отстранение в план вечности, влекущее за собой тягостное раздумье адресата-читателя, поскольку такой «выход» связан с эмоциональным состоянием тоски. Сразу отметим, что причину такого психотерапевтического отношения к читателю мы видим в профессиональной деятельности А.П. Чехова, который лечит и делом, и словом. К такому выводу мы пришли потому, что в творчестве русского писателя есть ряд рассказов (эмотивных текстов), которые построены по модели, не содержащей снятия эмоциональной напряженности – это рассказы о детях («Ванька», «Спать хочется» и др.). Объясняется это тем, что адресатом произведений о трудном детстве является взрослый. Автор не хочет, чтобы читатель успокаивался, он стремится затронуть его душу, рассказав о тяжелой доле ребенка, и оставить с появившейся после прочтения душевной болью. Такого посыла нет в тех рассказах, о которых пойдет речь далее.

Каждый элемент модели эмоционального состояния имеет в тексте постоянное местоположение, то есть наблюдается строгая последовательность, что связано с композиционным развитием рассказа. Это позволяет говорить о композиционной нагрузке реализации элементов данной модели в текстах А.П.Чехова.

Наши наблюдения показали, что рассказы А.П.Чехова, содержащие описание эмоционального состояния, содержат диегетического повествователя, принадлежащего миру текста, который совершает какие-то поступки, имеет хотя бы минимальную биографию, имеет собственное имя, выступает в роли наблюдателя за внешним выражением эмоционального состояния рассказчика, как в рассказе «Страхи», или экзегетического (имплицитного) повествователя, обнаруживающего себя только в субъективных оборотах речи, а также вставного рассказчика, например, в рассказе «Страх» [5, с.203]. Экзегетический повествователь может занять подчеркнуто внешнюю позицию по отношению к субъекту эмоционального состояния, тогда переживаемые эмоции описываются не только сами по себе, но и через их симптомы, наблюдаемые признаки и т.д. В тех рассказах, где эмоция становится центром авторского внимания, повествование ведется от первого лица (лица рассказчика или повествователя). Выражение достоверности в такого рода рассказах опирается на личностный план, так как «я (субъект-персонаж) являюсь участником событий», то есть повествование идет от лица субъекта страха. Поэтому А.П.Чехов опирается на собственный опыт в переживании такого сильного чувства, как страх, и использует его. Здесь прослеживается автобиографичность некоторых сюжетов, в частности, автобиографична одна из трех тематических частей текста в рассказе «Страхи»: по воспоминаниям М.П.Чехова, эпизод с оторвавшимся от поезда товарным вагоном действительно имел место и связан с впечатлениями А.П.Чехова от пребывания в имении Г.П.Кравцова в Рагозиной Балке в 1877–1879 гг., где шло тогда строительство Донецкой железной дороги [8, с.71]. В тех рассказах, где эмоция – лишь сопутствующая ветвь основной композиционной линии, повествование ведется обычно от третьего лица, то есть повествователь выступает в роли наблюдателя.

Почти во всех анализируемых рассказах А.П.Чехова повествование идет от лица рассказчика, причем важным элементом структуры повествования является диалог: постоянная отсылка слушателя к чувственному опыту (то есть фоновым знаниям), ибо каждый пережил когда-либо эмоцию, о которой говорит рассказчик, иначе говоря, повествование строится на *соучастии* в переживании: *Этот неопределенный, но понятный вам страх не оставил меня и тогда, когда я, взбравшись на четвертый этаж дома Трупова, отпер дверь и вошел в свою комнату* [Страшная ночь, 7, т. 2, с.94]. В данном высказывании рассказчик расширяет круг субъектов страха, включая сюда и слушателей, апеллируя к чувственному опыту слушателей: «вы тоже это переживали». Или: *И представьте мой ужас!* [Ночь на кладбище, 7, т.4, с.191]; здесь рассказчик, используя глагол в повелительном наклонении, не только обращается к чувственному опыту слушателей, но и пытается сделать свое эмоциональное состояние актуальным для адресата в настоящий

момент, сделать слушателя *со*участником эмоционального переживания, тем самым рассказчик пытается регулировать процесс передачи страха другому субъекту. Обращением к чувственному опыту слушателя можно считать и следующий контекст, где оно выступает элементом градации («ваше чувство, максимальное по интенсивности, слабее моего переживания»): *Если вам страшно слушать няnek, рассказывающих про воющих мертвецов, то каково же слышать самый вой!* [Ночь на кладбище, 7, т.4, с.191]. Однако следует сразу отметить еще один немаловажный факт: поскольку читатель также выступает своего рода слушателем, то рассказчик рассчитывает и на его *со*чувствование. Поэтому тексты некоторых рассказов содержат обозначение географических названий и собственные имена, образованные от слов, которые семантически связаны в русском сознании с причинами страха и входят в тематическую группу «потусторонний мир»: *Трупов, Панихидин, Упокоев, Черепов, Успения-на-Могильцах, Мертвый переулoк* [Страшная ночь, 7, т.2].

Сопереживания внутритекстовому субъекту эмоционального состояния автор добивается и за счет повествования в целом. В подтверждение приведем анализ текста рассказа А.П. Чехова «Страх» [здесь и далее: 7, т.8, с.89-93]. Повествование в нем ведется от первого лица, но название произведения содержит подзаголовок «Рассказ моего приятеля», таким образом, в ткань текста введен повествователь. Подзаголовок определяет межсубъектные отношения между образом автора и повествователя. Поэтому мы можем сделать предположение о том, что при помощи такого подзаголовка, обозначением межсубъектной связи, в контекст введен образ автора. Однако в тексте он не получает раскрытия. Композиция рассказа такова, что в повествовании происходит смена функций: повествователь становится слушателем, а в центре внимания оказывается рассказчик, его эмоциональное состояние, раскрытое наблюдателем-повествователем. Композиционная рамка концентрирует внимание на эмоциональном состоянии рассказчика; прием сюжетного повтора от лица повествователя также служит акцентированию внимания на эмоциональном состоянии рассказчика, но одновременно передает и эмоциональное состояние повествователя. Сама же эмоция – как тема текста – уже обозначена заголовком рассказа, то есть основная часть произведения непосредственно связана с названием. По структуре повествования рассказ представляет собой сложное образование: сочетание монолога и диалога. Эмоциональное состояние повествователя, отраженное в композиционной рамке, не представляется актуальным в связи с наличием дейктического элемента (выражает идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту [5, с.245]): ... так как до сих пор еще не могу разобраться в своих тогдашних чувствах... но помню очень хорошо... Контекст

содержит указание на дистанцию во времени (время событий повествования и время момента повествования), а также предикат, семантически передающий работу памяти.

Диалог на тему страха в основной части рассказа строится по принципу художественной аргументации, главная цель которой – «доказать важность каких-то социально-этических, философских, художественных и прочих принципов, убедить адресата аргументации в истинности тех ценностей, которые представляются ему (автору. – М.С.) непреложными» [1, с.20], посредством образных средств языка. Первое высказывание рассказчика в диалоге – посыл к тезису: - *Скажите мне, дорогой мой, почему это, когда мы хотим рассказать что-нибудь страшное, таинственное и фантастическое, то черпаем материал не из жизни, а непременно из мира привидений и загробных теней?* Ответная реплика повествователя в плане аргументации представляет собой тезис; содержательно она соответствует определению природы эмоции в когнитивистике: -*Страшно то, что непонятно*. Обозначение каузатора эмоции получает основание для отнесения конкретных номинативов в тематическую группу «причины страха»: лексемы с конкретным значением являются обозначением каузатора в том случае, если содержат сему 'непонятное'. Можно сказать, что художественный текст отразил вполне научную трактовку природы эмоций: зависимость возникновения страха от знания или незнания субъекта о предмете, явлении. Следующее высказывание рассказчика в плане аргументации и в движении диалога является углублением тезиса, а в семантическом – оно представляет конкретизацию причин страха: *А разве жизнь вам понятна? Скажите: разве жизнь вы понимаете больше, чем загробный мир?* Коммуникативный анализ текста позволяет сделать вывод о том, что лексемы, составляющие рематическую доминанту, относятся к тематической группе «каузаторы страха», то есть акцент на причинах описываемой эмоции сделан не только на лексико-семантическом, но и на коммуникативно-структурном уровне.

Окончательное свое оформление тезис получает в высказывании рассказчика: - *Наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны*. Это высказывание представляет собой неличную модификацию основной модели (ср. Я боюсь и не понимаю нашей жизни и загробного мира), в которой субъекты эмоции – неличные – темы высказывания; один из рематических предикатов – эмотив, а позиция собственно субъекта остается незанятой (ср. страшны кому? – мне), что придает высказыванию обобщенный характер.

Весь последующий текст основной части – ряд аргументов в доказательство представленного тезиса. Эмоция страха получает полное выражение благодаря лексико-семантическим и синтаксическим средствам. Представление аргументов в высказываниях рассказчика позволяет сделать вывод о широком спектре причин страха, связанных с когнитивной природой эмоции, например: *Кто боится привидений, тот должен бояться и*

меня, и этих огней, и неба, так как все это, если вдуматься хорошенько, непостижимо и фантастично не менее, чем выходцы с того света. Как видим, в текст введен предикат долженствования, благодаря чему усматривается значение обязанности. Языковые элементы (однородные члены, сравнительная конструкция) позволяют сделать вывод о широком спектре причин страха: от конкретного личностного отношения до необъятного вселенского масштаба. Кульминацией репрезентации страха является фраза «Когда я лежу на траве и долго смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимает, то мне кажется, что ее жизнь состоит из сплошного ужаса, и в ней я вижу самого себя».

Необходимо сразу отметить, что все номинации причин исследуемой эмоции содержат сему *непонятное*, иными словами, содержат видовой признак причин страха; сам субъект эмоционального состояния обозначает это явление: «утерял это «кажется» («утерял понимание взаимосвязи между явлениями и предметами»). В аспекте раскрытия причинной природы страха текст построен так, что сначала наблюдается градация в сторону расширения сферы причин страха, вплоть до всеохватывающего по своей семантике местоимения **всё**, а затем наблюдается конкретизация семантики указанного местоимения лексемами с конкретным значением. Аргументативный контекст строится так, что ассоциация «страх – непонимание» становится прочной, поэтому в последнем высказывании об источнике эмоции: *Никого и ничего я не понимаю* – обозначение эмоции возникает не в самом контексте, а на основе ассоциации, которая обыгрывалась в двадцати предыдущих предложениях, причем конструкция с двойным отрицанием выражает всеобъемлющий характер эмоционального состояния, возвращает нас не к конкретным причинам страха, представленным в предыдущем контексте, а к высказыванию, содержащему указание на причину тотального страха: *Мне всё страшно*, где указана причина всеохватывающего страха (*всё*) и эмоциональное состояние (*страшно*), то есть композиция данного контекста в плане представления эмоционального состояния носит кольцевой характер: представлена та же номинация причины страха, но уже на новом витке, с обогащением смысла за счет предыдущей цепочки каузаторов эмоции. Актуализация смысла этого несущего высказывания осуществляется вынесением его в абзацную фразу.

В анализируемом тексте есть четкая дифференциация страха: подразделение его на главный и второстепенный; это выражено каузативной конструкцией, содержащей классифицирующее определение при эмотиве: - *Моя семейная жизнь, которая кажется вам такую восхитительной, – мое главное несчастье и мой главный страх*. Главная часть конструкции, представляющая собой модель тождества, семантически является антитезой придаточной части: в основе антитезы – мнение «свое – чужое».

Аргументация заканчивается двумя вопросительными предложениями, содержащими наряду с номинацией эмоционального состояния оценку: - *Разве это понятно и не страшно? Разве это не страшнее привидений?*, что расширяет круг субъектов, актуализирует данную семантику, делает ее обобщенной.

Анализ текста рассказа А.П.Чехова «Страх» показал, что выражению эмоционального состояния служат не только рассмотренные языковые средства, но и сами композиционные элементы рассказа: наличие композиционной рамки, структура основной аргументативной части. Модель эмоциональной ситуации в таком случае – это своего рода сеть, наброшенная на текст и обеспечивающая его связность и целостность.

Список литературы

1. Акопджанян Е.С. Художественная аргументация. – Ереван: АН Армении, 1991. – 162с.
2. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С.55-76.
3. Златоустова Л.В. Русское слоговое деление и изучение И.А. Бодуэна де Куртенэ об антропофонических единицах // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф.: Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во КГУ, 2001. Т. 1. – С. 107-108.
4. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. университета, 2000. – 110 с.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования. – М.: Школа «ЯРК», 1996. – 464с.
6. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: РАН Института языкознания, 2000. – С. 207-219.
7. Чехов А.П. Собрание сочинений и писем: в 12 т. – М.: Правда, 1985.
8. Чехов М.П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. – М.: Художественная литература, 1981. – 335с.
9. Шаховский В.Н. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность: Материалы Всероссийской науч. конф. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 29-30.

Рецензенты:

Сыров И.А., д.фил.н., доцент, профессор кафедры русского языка, стилистики и журналистики, заместитель директора по учебной работе, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак;

Пятаева Н.В., д.фил.н., доцент, профессор кафедры русского языка, стилистики и журналистики, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак.